

Симон Чередов

Бедняк и Бездельник

5 нелепых очерков

Симон Чередов

**Бедняк и Бездельник.
5 нелепых очерков**

«Издательские решения»

Чередов С.

Бедняк и Бездельник. 5 нелепых очерков / С. Чередов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832908-1

С каждым из нас в разные моменты жизни происходят нелепые истории. В этой книге собраны 5 таких историй, произошедших с автором на протяжении его жизни. Очерки переносят читателя в различные пространственно-временные точки: от отделения милиции в Омске середины 90-х до квартиры рок-звезды в современной Москве.

ISBN 978-5-44-832908-1

© Чередов С.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Беседка	7
Междоусобицы	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Бедняк и Бездельник
5 нелепых очерков
Симон Чередов

© Симон Чередов, 2016

Редактор Галина Андреевна Щербакова

ISBN 978-5-4483-2908-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Начнём, наверное, с самых пелёнок.

Я родился в 1987 году в самом центре огромного государства под названием СССР. Мой родной город – Омск. Вырос я в средненьком районе – ни хорошо, ни плохо. И всё у меня было достаточно средненько по нашим меркам. Мы жили в одной из стоящих в ряд брежневков в маленькой двухкомнатной квартире. Нас было пятеро: я, мама, папа, брат и бабушка. В 90-е у нас было советское счастье: квартира, машина и дача. Такое же примерно счастье (более или менее) было у большинства моих друзей.

На Ленинском рынке стояли игровые автоматы Раскман, в которые я любил играть, для чего выпрашивал каждый раз по 20 копеек у матери. Летом было солнечно и жарко. Зимой так же солнечно, но холодно, зато можно было кататься на санках. К маме на работу в аэропорт ходил 60-й автобус. По телевизору были мушкетёры, Игорь Тальков и группа Кар-мэн. На 2 этажа выше меня жил мой сосед Рома, старше меня на 4 года, к которому я мог обратиться, если кто меня будет обижать. Вот, собственно, наверное, и всё, что заботило меня в советский период моей жизни.

А, да, ещё, когда мне было года три, Наташа, в ответ на моё предложение выйти за меня замуж, сказала, что она подумает. Я был возмущён. «Что тут думать?!» – воскликнул я. Что было дальше – не помню. Но свадьбы не было – факт. До сих пор иногда всерьёз думаю, что большинство моих проблем с женщинами произрастает именно из этого пренеприятного инцидента.

У нас была классическая дворовая жизнь: песочницы, футбол, костры и погони друг за другом по гаражам во время какой-нибудь очередной игры в духе казаков-разбойников. В тот период я ощущал себя безусловным лидером. Потому что, когда мы играли в трансформеров, Оптимусом Праймом был непременно я. Мы, естественно, дрались периодически во дворе. И, если честно, я чаще проигрывал. Возможно потому, что старался не драться с теми, кто слабее меня. Да и они старались не драться со мной, что логично.

Мы курили где-то за гаражами, везде лазали. Перемахивали через четырёхметровые заборы с поразительной лёгкостью. Тусовались с бомжами, задирали стариков во дворе. Ссорились и дрались с ребятами из соседних дворов. Мы находили бродячих щенков, делали для них картонные домики, а потом пристраивали их в семьи. В общем, жизнь проходила довольно интересно.

А потом я пошёл в школу, и решил, что пора начинать новую жизнь.

Во-первых, я бросил курить.

Во-вторых, бросил материться. Это – весьма ненадолго.

Первые годы школьная жизнь тесно переплеталась с дворовой. И к этому периоду относится как раз одна история, которую я не хотел рассказывать, но раз уж вспомнил, то давайте.

Беседка

Было мне тогда девять лет. Я только закончил третий класс, и наступило прекрасное безмятежное лето. Как обычно, жаркое и солнечное. Ещё до полудня мы выбегали во двор и гонялись друг за другом с брызгалками – такими приспособлениями для обливания водой, сделанными из пластиковых бутылок и шариковых ручек. Водяные пистолеты были тогда редки, да и брызгалки лучше справлялись с главной задачей – запустить как можно дальше как можно более толстую струю воды.

Вечером, когда было чуть посвежее, мы играли в футбол на дворовом импровизированном поле. Иногда играли в прятки, в догонялки, в пионербол. Были и более экзотические развлечения: к примеру, развести костёр у помойки и выплавлять из свинца биты, или делать капельницы – пихать в костёр пластмассу, потом доставать её палкой и смотреть как она капает. У меня до сих пор небольшой шрам от одной из таких капель на большом пальце правой руки.

Но что бы мы ни делали, это происходило во дворе или в непосредственной близости от него. Школьные мои друзья тоже часто гуляли именно у нас во дворе, потому что наш двор был как-то дружелюбней, чем их собственные. Двор свой мы очень любили и старались всячески его облагораживать. Сами сделали футбольные ворота. Не ломали ничего. Ратовали за новую песочницу. Мы чувствовали, что это наша среда обитания и наша зона ответственности.

Так вот, одним прекрасным июльским днём подхожу я к своим пацанам во дворе, а они чего-то там напряженно обсуждают.

– Привет! О чём базар? – говорю... Ну принято тогда было так общаться.

– О, Сёмка! С нами пойдёшь?

– Куда? – спрашиваю.

И тут мне объясняют, что где-то на железной дороге, тут, недалеко, есть беседка, никому не нужная. Что есть план разобрать эту беседку по доскам, принести во двор, тут собрать. И будет у нас во дворе беседка. Красота?

План мне показался резонным. Хотя вот сейчас я не представляю, как бы мы её на самом деле собирали. Но тогда у меня даже сомнений не было, что всё будет сделано на раз-два, и я согласился.

День был солнечным, жарким. Предстояла приятная прогулка с целью выполнения общественно полезной миссии. Радость, да и только! Единственное, что меня немного волновало, это то, что беседку надо было разобрать побыстрее, чтобы вернуться к показу фильма «Чёрная акула». Потому что пацаны-то (школьные – не дворовые) будут все смотреть, а завтра обсуждать, и дабы не выпасть из беседы, мне тоже следовало ознакомиться с её предметом самым внимательнейшим образом.

В поход за беседкой собралась нас, значит, следующая компания: я, Ромка Татарин, Джон Смоленский, Саша Рябчик, Саня Самодуров и Димка Бородин. Ромка, Джон и Рябчик были постарше. А Димка с Саней – моего возраста.

Мы добрались до беседки где-то за полчаса. Для этого нам пришлось перелезть через пару заборов, но заборы для нас тогда вообще преградами не были. Начали отламывать доски от беседки. Дело оказалось это достаточно сложное. Прибиты они были добротной, а инструмента мы никакого с собой не прихватили. Устали достаточно быстро. А количество отломанных досок было немногим больше десяти.

Но тут, как спасение и оправдание, вдруг налетели тучи. Начался дождь. Лил сильно – значит, скоро должен был кончиться. Мы скучковались в центре беседки, чтоб с краёв не заливало. Пацаны коротали время за сигаретками. Я смотрел в сторону дома и думал про «Чёрную акулу».

Дождь, как и ожидалось, закончился достаточно быстро. Но мы решили вернуться к разбору беседки позже. А пока – осмотреть окрестности и поискать чего-нибудь ещё интересного.

Мы пошли бродить и через некоторое время подошли к большим деревянным воротам какого-то обветшавшего здания, на которых висел большой замок. Подёргали – держался он достаточно надёжно, и ворота было не открыть. Тогда мы, при помощи этого замка и выпирающих кирпичей, подталкивая друг друга, забрались на крышу здания. С крыши был выход на заброшенную кирпичную вышку. В ней, судя по шприцам и другим характерным отходам, периодически тусовались наркоманы.

Пока мы лазали внутри, снова начался дождь. Остались там переждать. Сидим, болтаем о том о сём, выдумываем чего-то, смеёмся. Осматриваем с вышки близлежащую территорию. Вокруг всё в непонятных строениях постапокалиптического вида. В России того времени, как и нынешнего, вообще очень много постапокалиптических пейзажей. Здания, по виду которых нельзя понять заброшены они или нет; пошарканные советские автомобили, стоящие без колёс на кирпичях; сгоревшая постройка – обязательный атрибут. Если бы не зелень листвы, картина была бы невыносимо грустная.

Наслаждаясь видом из оконного проёма, мы вдруг заметили какого-то дядьку. Да и он, похоже, по смеху и возгласам заметил нас. Значения мы этому как-то не придали. Но вот когда дядька этот через несколько минут уже бежал по крыше, вот тут-то мы поняли, что пора бы нам отседова сваливать по добру по здорову.

Благо бегать мы тогда умели хорошо, но дядька тоже был не промах. Он нас уже почти настигал, когда мы подбежали к тому месту, где залезли на крышу час тому назад. С ног прыгать было очень высоко, и все начали что-то выдумывать: слазить по кирпичам, приспособить верёвку, которая была тут рядом. Но способы это были довольно сомнительные. Помню, когда слазил Димка Бородин, кирпич оторвался, и приземлился он уже с кирпичом на голове. Ну ладно. Кое-как вслед за ним слезли Ромка и Джон. Рябчик что-то начал мешкать. А дядька-то был уже вот – совсем близко. Тогда я крикнул: «Хыль ты жопу чешешь?! Прыгай!» И он прыгнул. Но в этот самый момент перед нами с Саней возникла палка. Справа за спиной мы услышали грозное «Стоять!». Мы испугались. Оставалось, собственно, стоять и с грустью смотреть вслед убегающим друзьям. Из-за угла за ними ринулся другой мужик – с собакой. Пацаны резко свернули и скрылись в кустах. В кусты за ними прыгнула собака. Всё. Что будет с нами дальше – непонятно.

Дядька нас куда-то повёл. Привёл в подобие диспетчерской или типа того. Небольшая комната в одном из этих постапокалиптических домов. Стол, старый дисковый телефон, плохо работающий маленький телевизор. Кроме дядьки там сидела какая-то тётка. Чуть позже пришёл запыхавшийся дед (тот мужик, что гнался с собакой за нашими ребятами). Дед сказал, что шпану догнать не удалось. Я немного обрадовался.

Никто не знал, что с нами делать. Явно намечался допрос. Саня был напуган. Я думал, что хорошо бы это всё закончилось поскорее, потому что «Чёрная акула» начнётся уже через полтора часа.

Наконец, дед начал задавать вопросы. Напоминало это сцену из военных фильмов. Не думаю, что он был ветеран. Скорее всего, просто посмотрелся Штирлица.

Он настойчиво интересовался, что мы делали на закрытой территории. На это мы отвечали, что понятия не имели, что территория закрытая, и вообще мы просто гуляли. На вопрос о том, кто были те парни, мы сказали, что это ребята из соседних дворов, встретились мы с ними случайно и даже не знаем как их зовут. Когда спросил, не дергали ли старшие ребята какие-нибудь двери, мы сказали, что ничего не дергали, разве что те большие деревянные ворота. И тут дед крикнул: «Ага! Они хотели наши компьютеры украсть!». Мы сказали, что понятия ни о чём не имеем, про компьютеры никакие ничего не знаем. Отпустите нас домой, дедушка, пожалуйста.

Подумав ещё немного, дед сказал: «Я всё понял: это малышню на разведку послали. Прощупывают». Я подумал: «Ну всё, дед умом точно поехал». Дед отдал тётке уверенное приказание: звони в милицию. Следующие полчаса тётка пыталась до неё дозвониться. А дед всё причитал: «Как же я сразу не догадался? Это разведка». Тётка вызвала наряд, немного растерянно объясняя, что нарушители и разведчики – 9-летние дети. Ещё минут 40 мы ждали ментов. Дед всё это время что-то шептал и периодически бил ладонью по столу. Это немного пугало.

Времени прошло много. Успеть на Чёрную акулу надежды не было уже никакой. Отчаяние.

За окном показался новенький милицейский Land Rover. Это, конечно, было круто. Хоть на Land Rover'е прокатимся. Будет чем перед школьными друзьями козырнуть, раз уж с акулой такой косяк вышел. Да и дворовым рассказать не стыдно.

Из машины вышло два мента с автоматами Калашникова. Клянусь вам, нас транспортировали как опаснейших рецидивистов. Дед с чувством выполненного долга и, наверное, предвкушая орден, или хотя бы медаль, передал нас в заботливые руки органов правопорядка. Лица ментов выражали глубочайший скепсис. Но транспортировали они нас по всем правилам. Мы с Саней сели на заднем сидении посередине, милиция – по бокам, видимо, чтобы мы не выпрыгнули на ходу. И правильно. Потому что я, насмотревшись боевиков с Ван Дамом и Джеки Чаном, действительно мог.

Нас привезли в отделение у Ленинского рынка, переписали со слов все данные: ФИО, дата рождения, место жительства, ФИО отца и матери, даты рождения. Потом нас отвели в комнату, где сидели молодые вульгарно одетые барышни. Я сразу понял, что это проститутки. Мент сказал: «Девочки, вам на перевоспитание». Девочки улыбались и смеялись. Мне это нравилось. Потом одна из них сказала: «Ой! Ну что с вами делать?» Я говорю: «Домой отпустите». Тогда она игриво спросила:

– А ещё так будете делать?

– Нет. Мы так больше не будем – хором ответили мы.

– Тогда на счёт три, чтобы вас здесь уже не было. Раз...

Последним, что я слышал было слово «два». В это время мы были уже на первом этаже и выбегали на улицу.

Когда я пришёл домой, оказалось, что у нас полно гостей. Все сидели за столом, ели, пили и были увлечены какой-то беседой. Я со всеми поздоровался и переключил телевизор на второй канал. «Чёрная акула» уже почти заканчивалась. А вот мои не самые приятные взаимоотношения с милицией – только начинались.

Междоусобицы

Не буду рассказывать всю долгую предысторию нашей компании. В общем, к концу восьмого класса сложилась наша такая прочная банда, которую на районе старшаки прозвали «банда рыжих». Рыжий там был только я, но так как на Труда¹ я знал всех, и все знали меня, прозвали нас именно так. Мы с Димой Бирюзовым и Антоном Дёмочко учились вместе с первого класса. В 6-ом в наш класс пришли Серёга Токарев и Влад Московцев, они тоже влились постепенно в нашу компанию. Это не значит, что наша банда была вот так строго ограничена пятью людьми. С нами и вокруг нас было ещё много кого. Но эти пятеро – костяк.

Как сказал мне однажды Антон Дёмочко, которого мы, кстати, с первого класса именовали не иначе как Дёма, из-за чего, многие малознакомые люди думали, что его зовут Дмитрий или Демьян; так вот, он рассказывал, что я тогда был центром компании, таким объединяющим звеном. Без меня банда буквально не могла пойти гулять: никто не знал куда идти и чем вообще заниматься. И вправду, я был дружен со всеми и с каждым из них. У каждого из банды самые близкие отношения были со мной. Я этого не осознавал, но всегда чувствовал.

Особенно мы сдружились к тому времени с Серёгой Токаревым. Летом перед 8-м классом все наши разъехались кто куда, а мы остались дома. Причем кто куда – это могло значить и просто к бабушке на другой конец города. Но тогда это было огромное расстояние и преграда для совместного времяпрепровождения. Мобильников-то не было. Координация в тех условиях была куда сложнее, чем сейчас.

Мы с Серёгой просто шандарохались по набережной, обсуждали фильмы, выдумывали какие-то приколы. Звонили Дёме и рассказывали истории, как мы познакомились в клубе «Твинс» с классными девчонками, хотя мы сроду в Твинсе не были, да и познакомиться с девчонками для нас было проблемой. В общем, за совместными занятиями фигурной мы тогда хорошо сошлись.

Год восьмого класса выдался не самым простым. Там был и переход в другую школу, и возвращение. Но по-настоящему важны были, конечно, не учебные дела, а то, что творилось в нашей личной (в широком смысле слова) жизни.

Подростки в этом возрасте почему-то особенно жестоки. Видимо, отрываясь от родителей и пытаясь найти свое место в этом большом мире, они прибегают к агрессии, как к средству, самым очевидным образом демонстрирующему доминантное положение в социальной структуре. И, несмотря на то, что я любил своих друзей и с каждым из них общался уважительно, на публике я любил их подколоть. Особенно тогда доставалось Дёме. Он был взрослее нас внутренне, и не понимал как можно унижать друзей. А мы над ним все измывались. Токареву тоже доставалось. После того, как его дом в Казахстане взорвался (из-за чего его семья и переехала в Омск), он пролежал в больнице около полугода. Соответственно, набрал вес. За что получил погонялово Толстый.

Кроме того, продолжался начавшийся классе ещё в шестом процесс смещения фокуса интересов с компьютерных игр на представительниц противоположного пола. Но к этому времени все интересующие нас девочки нашего класса гуляли с пацанами постарше и покруче. Попивали с ними пивко и покуривали сигареты. Мы же, по тогдашним меркам района Труда, запоздали со знакомством с зелёным змием. И это было не круто.

Хотя главным фактором было не то, кто пьёт и курит, а кто нет. Главное было сколько человек могут за тебя впрячься и пойти на стрелу. А с этим у нас было худовато.

¹ Район в Омске, где я провёл своё детство. Это улицы, прилегающие к улице Труда: Лобкова, Стальского, Чайковского, Кучерявенко, Калинина.

Помню, когда на одной из школьных дискотек все наши барышни танцевали со старшими, мы пошли в наш кабинет, и я долго вещал про то, что пора положить конец и всё такое. Даже вскочил на парту и поднимал кулак вверх, и кричал, и все тоже кричали. Короче, всё в лучших традициях Голливуда. Однако в реальности, что мы могли? Нас было от силы человек пятнадцать, да и те не бойцы, а чмырдяи по большей степени. Диссонанс налицо. Ситуация требовала разрешения.

Летом уже после восьмого класса мы с Токаревым опять бродили по городу и случайно встретили незнакомого мне парня. Серёгино лицо при встрече, помнится, выразило странное сочетание крайнего удивления, страха и радости. Это оказался Илюха Бенденко по кличке Чич. Серёга учился с ним в Казахстане до третьего класса, пока Илюха не переехал в Омск.

Чич был, соответственно, нашим ровесником. Выглядел он в свои 14 уже достаточно внушительно: ростом больше ста восьмидесяти, не худой, достаточно плотный, но не качок, бритая голова. Он производил впечатление человека уверенного, и вместе с тем весёлого. Умел и говорить напористо, даже жёстко, и смеяться во всё горло, откалывая первоклассные шутки. Причём делал он это в любом окружении (с местной шпаной, со взрослым прорабом на стройке, с девочками-отличницами – в любом). Эти качества, конечно же, обеспечивали ему успех у девушек. Ни какими-либо талантами, ни умом Илюха похвастаться не мог. Но впечатление было такое, что они ему и не нужны – они бы только разрушали этот цельный образ районного мачо.

Неожиданная встреча открыла перед нами очень хорошие перспективы. Илья, как оказалось, был в хороших отношениях с Пашей Казак. А Паша Казак – это местная серовская знаменитость: мастер спорта по кикбоксингу, победитель множества соревнований, юный шестнадцатилетний наркоман и алкоголик. У Паши была серьёзная банда на Серова².

Токарев резонно смекнул, что такой расклад сможет несколько поменять баланс сил у нас на районе, помочь нам занять достойную позицию в местном «пацанском рейтинге». И мне тоже это казалось прекрасной возможностью показать и старшкам, и нашим одноклассникам, кто тут по-настоящему крутой.

Мы с Серёгой и Илюхой протусовались вместе всё оставшееся лето. Гуляли по набережной, болтали и шутили, знакомились с девчонками. Илья тогда познакомился с Леной, с которой у них были достаточно длительные отношения и с которой связано несколько историй, в том числе, косвенно, и эта. Мы ездили на рыбалку, ходили купаться на банан³, играли в футбол. За всем этим спектром тогдашних наших развлечений мы хорошо сблизились.

Наступил сентябрь, все приехали с югов, с дач, от бабушек. Мы стали звать всех наших друзей гулять на Серова. У нас постепенно сложилась компания, в которой участвовали все члены нашей банды, Чич, девчонки с Серова и ещё много других людей. Всё шло плавно и славно, пока в один прекрасный день...

В тот день мы, как обычно, играли в компьютерном клубе в Контру⁴. Были тогда я, Дёма, Димас и Серёга. После очередного раунда мы вышли покурить. А на крыльце клуба стояли те самые старшаки. Они не играли: видимо, у них закончились деньги (а были они из семей не самых благополучных), – но тут выход нашёлся – пошкулить у нас. В общем, пошли наезды с их стороны. Мы были напуганы, отвечали что-то невнятно. Слово за слово. В какой-то момент Кирилл (один из старшаков) то ли кому-то ладошкой по лицу шлёпнул, то ли в живот вдарил легонько – ничего серьёзного, но для нас это значило одно: он перешёл черту, и в этот раз мы готовы ответить.

² Район в Омске, расположенный возле площади Серова. Это улицы Серова, Рождественского, Фёдора Крылова, Петра Ильичёва, Всеволода Иванова.

³ Пляж в районе Труда.

⁴ Компьютерная игра Half-Life Counter-Strike.

Нет, не сразу. То есть тогда драка не завязалась. Инцидент как-то мягко закончился, мы отвязались от Кирилла и тут же направились к Чичу. Во главе шёл Серёга. Лицо его было полно решительности, перекрывающей страх. Страшно было всем. Я уверен. И вместе с тем, во всех нас горело предвкушение. Мы все уже наслаждались теми переменами, которые сулит нам предстоящая разборка. Как мы после этого будем гордо ходить по району! Улица Труда для нас должна была превратиться в Чикаго 20-х годов, а мы в нём – банда Аль Капоне. Только вместо шампанского и виски дешёвое пиво и водка, а вместо развратных красоток – одноклассницы.

Чич открыл дверь. По выражениям наших лиц он сразу понял – дело серьёзное.

– Здорово, пацаны! – сказал он, и в этот момент его глаза округлились, и всё лицо приняло выражение, аналогичное нашим, – случилось чё?!

Тут Серёга обрисовал всю ситуацию, немного, может быть, и приукрасив. В его рассказе мы были не такие лохи, противник имел численный перевес, ну и вообще, беспредел, и теперь справедливость и порядок может восстановить только Паша Казак и его банда, и чтобы поняли козлы, на кого нарвались, и давай уже пошли побыстрее на Серова к Паше.

Илюха всё выслушал внимательно, с вдумчивым выражением лица, и немного погодя огласил решение:

– Да, базара нет. Надо к Казаку идти.

И мы пошли.

Паша Казак и его постоянная банда человек из пяти-шести зависали в беседке в одном из дворов на Серова. Паша не боялся никого. Уверенность в себе, выработанная в процессе тяжелейших тренировок в залах кикбоксинга, закалённая в многочисленных боях на ринге, и отшлейфованная уличными боями, была ещё многократно умножена наркотиками и алкоголем. Он в свои 16 лет катался на угнанных машинах без прав, колотил здоровенных мужиков, сдавал в комиссионные магазины чужие телевизоры, и не было на него никакой управы.

Но вот на меня Казак произвел впечатление человека доброго и справедливого. Выслушав внимательно историю, которую ему наперебой рассказывали Серёга и Чич, выразив на лице даже некоторое сочувствие, Паша сказал:

– Ладно. Пошли. Покажете.

Мы направились обратно – к компьютерному клубу. Во время этого перехода страх, решимость и предвкушение, все вместе, плавно нарастали и попеременно выражались на лицах. Обычно это было примерно так: когда я шел и смотрел прямо перед собой – на вдох страх, на выдох решимость; но когда я смотрел на Серёгу или Димаса, рты наши неизменно расплывались в улыбке.

Кирилл зависал в клубе с утра до вечера, поэтому мы были почти уверены, что выцепить его не составит большой проблемы. Так и произошло. Он был внутри. Не играл, но сидел рядом с одним из игроков и давал ценнейшие советы.

Серёга, преисполненный отваги, зашёл в клуб и сказал Кириллу:

– Пойдём, выйдем. Надо поговорить.

Кирилл, не колеблясь ни секунды, вышел. Но уверенный марш его прервался резко, когда он увидел, что разговаривать с ним собирается не Серёга Токарев, а Паша Казак.

Кирилл мгновенно преобразился из крутого пацана в первоклассника, которого за двойку с ремнём в руках отчитывает строгий пьяный отец. Как будто гадал: всекут ему или всё обойдётся профилактической беседой? У него даже слёзы наворачивались. А Паша действительно отчитывал как-то по-отечески. Мы ожидали, что речь его будет что-то вроде «Короче, пацаны эти со мной, ты понял? Ещё раз я услышу, что кто-то...», а на самом деле Казак говорил: «Ну да, пацаны лоховатые, но это же не повод у них деньги вот так шкулять...». Но нам было похер. Может, мы и лоховатые пацаны, а, так или иначе, поставили охеревшего мудака на место.

Всё обошлось без драк. Паша спокойно закончил свою речь, убедился, что урок усвоен, и отпустил с миром непутёвого отрока. С чувством успешно оконченной миссии, мы все выдвинулись на Серова.

По пути мы благодарили Пашу. Он отвечал что-то типа: «Да фигня. Пиво пацанам моим проставьте – и в расчёте». Мы купили им несколько бутылок пива и ещё раз поблагодарили. Сами же пошли довольные гулять по набережной и пребывать в сладостных мечтаниях о том, как мы триумфаторами завтра зайдём в школу. Вот-вот должен был начаться новый светлый и радостный период нашей жизни.

Однако случилось всё иначе. И не потому, что у нас начался какой-то конфликт со старшаками – нет. То есть, там тоже всё было не гладко, и были ещё стычки. Но главное – не это. Главное, что стало происходить между нами.

Серёга, почувствовав, что вес его после этого эпизода вырос (учитывая, что он был толстым, мне этот каламбур показался забавным), решил, что пора воздать всем по заслугам их. А он был очень злопамятен и мстителен. Эти черты меня всегда в нём поражали.

Начал он с Димаса. Говорит, давайте Бирюзова игнорировать и лошить пару тройку дней, а то он совсем охерел. Дёма согласился, потому что Димас очень активно над ним измывался, я тоже согласился, потому что Бирюзов меня тоже как-то жёстко подколол как раз, а Владу вообще пофигу было: он тогда Покемонов смотрел и на половину занятий в школе не ходил.

И мы игнорировали и лошили пару-тройку дней Димаса. И он вообще от этого не кайфовал. Видно было, как это ему тяжело.

Затем Серёга предложил постебать Влада. И тут он получил одобрение коллектива. И это было сделано.

Позже я думал: как я при всём при этом не догадался, что очередь таким образом дойдёт и до меня? Я ведь тоже любил подстебнуть Серёгу на тему его широкой кости. Но я считал его близким другом, и знал, что и он считает меня таковым. Я просто поверить не мог, что мой ближайший друг способен на такое.

И вот, однажды, холодным октябрьским утром, Димас не зашёл за мной по дороге в школу. Такое хоть и редко, но случалось, и я не придал этому никакого значения. В конце концов, Бирюзов мог банально заболеть.

Но Димас был в школе. Он не выразил никакой радости в приветствии и только холодно пожал мне руку. Так же холодно были и все остальные мои друзья. Было ощущение, что я попал в какую-то параллельную реальность, в которой они вовсе мне не друзья, и в которой я изгой в своём классе. Что-то вроде того, что испытывал герой фильма «Эффект Бабочки». Ситуация была настолько для меня непривычная, что я не мог сориентироваться. Я просидел в нервном смятении первый урок. Я ждал перемены, чтоб во всём разобраться.

Однако и на перемене всё продолжилось в том же духе. Пацаны на меня почти не смотрели, старались не замечать. Над приколами моими никто не смеялся, да и шутить уже в таких обстоятельствах не очень-то и хотелось. Прозвенел звонок, и мы пошли на занятия.

В продолжении всего дня обстановка только ухудшалась. Мои попытки шутить игнорировались, а вот когда кто-то шутил надо мной – вот тут компания взрывалась громким смехом. И даже Дёма (О, ужас!) смел меня стебать, и все ржали над его приколами. Я был разбит, и мне казалось, что всё это происходит лишь в страшном сне.

Но второй день показал наглядно – это был не сон. Это была новая страшная реальность.

Дёма тогда постригся очень коротко, почти налысо. И я начал по этому поводу прикалываться, потому что повод ну вообще стопудовый: Дёма! Налысо! Но все сказали, что ему очень идёт, а вот я стрижен под горшок, как лох. И только тут мне стало всё окончательно ясно: Толстый! Сука!

Я был ошеломлён таким предательством. Я был в ярости, недоумении и отчаянии. Как легко были расшатаны мои позиции, которые казались мне такими незыблемыми! Тогда мне

было невдомёк, что на самом деле всё это было больше обусловлено нашим возрастом, чем чьими-то действиями. Пришло время каждому из нас искать свою индивидуальность: находить собственные пути общения с людьми, находить своё место в коллективе, даже искать другие коллективы, отвечающие тем или иным нашим социальным потребностям. Но тогда мне казалось, что все изменения произошли исключительно из-за Серёги. И я должен проучить этого зазнавшегося толстого мудилу.

Но пока что я не знал как. Понятно было, что для этого понадобятся люди не из нашей банды. Так как бандой уже вполне овладел мой оппонент. И вот одним тёмным осенним вечером я уже сижу в песочнице в садике на Серова в компании своего одноклассника Серёги Решетняка и нашего нового товарища по кличке Гроб (так его прозвали потому, что он носил браслет с аббревиатурой Гр. Об., а имя его все всё время забывали). Серёга Решетняк, или просто Решек, перешёл в наш класс из другой школы в этом году, а Гроб был его одноклассником ещё в начальной школе, а теперь учился уже в другой, а вообще, всё это неважно. Мы попивали дешёвые коктейли из пластиковых бутылок, и я рассказывал всю эту историю про Токарева.

Решек, выслушав всё это, сказал, что за такие дела его следует отвести на железнодорожный вал и как следует отмудохать. Сказать честно, я не был готов идти на столь радикальные меры, но в тот момент они мне показались разумными и действенными. Тем более Гроб, который тогда хотел закрепиться в нашей банде, активно и уверенно поддержал это предложение. А я примерно уже понимал, как всё это можно осуществить. Правда, нужно было, чтобы не вмешались Копилка и Чич. Но как их нейтрализовать, я уже придумал.

Катя, тогдашняя девушка Миши Копилки, раньше встречалась с Токаревым, и он посвящал меня, как лучшего друга, в свои мысли по поводу неё, как он посвящал меня и в свои мысли по поводу тогдашней девушки Ильи Лены. Мысли эти, а точнее высказывания, ставшие их выражением, были весьма нелестными. Я не собирался пускать их в дело. Но был готов в случае крайней необходимости.

Операция была названа «Оптимизм», потому что на одноимённом альбоме Гражданской обороны красовалась толстая мышь. А Токарев был, как вы помните, толстым. Экзекуция была намечена на воскресное утро. На неделе я успел поговорить со всеми из своей банды. Все действительно признали, что это была Серёгина идея «наградить» меня за «былые заслуги». Урезонил он всех главным образом тем, что все испытали на себе тяжёлый груз унижения, и нетронутым остался один я, что пора и мне узнать на вкус эту пилюлю, и что пойдёт она мне только на пользу. Но мои индивидуальные беседы с членами банды привели к тому, что опять же все согласились, что Толстый переборщил, и вообще с какого это перепугу он теперь распоряжается кого, когда и как наказывать. С Копилкой я поговорил накануне, и несмотря на то, что о Кате я хотел рассказать только в крайнем случае, я решил, что неплохо бы подкрепить свою позицию и этим. В конце концов, на войне все средства хороши. Илье я тоже всё рассказал про Серёгу и про то, что он говорил о Лене. Чич пообещал не вмешиваться. А Владу было пофигу. Он смотрел Покемонов и ни в чём этом не участвовал.

В субботу всё уже было готово. Кроме, пожалуй что, меня.

Несмотря на то, что я был тут главным организатором, мне самому это казалось каким-то абсолютным бредом. Я думал, что вопрос ещё можно решить как-то иначе, не прибегая к этому совершенно лишённому смысла избиению. К тому же кого и чему оно научит?

Вечером я пошёл к Серёге, чтобы обо всём поговорить, уладить всё мирным путём. А затем свернуть операцию «Оптимизм», всем над этим посмеяться и дружно выпить пива. Что именно я скажу ему, как начну разговор, я ещё не знал.

Я шёл по тёмной улице и думал об этом. Мокрый снег ударял мне в лицо, сквозь него пробивался свет редких фонарей. Иногда мелькали по бокам силуэты прохожих. Как всегда, были бездомные собаки, которые бегали по нашей улице целыми стаями и пугали своим лаем

людей. Было холодно и сыро. В такой вечер без большой необходимости на улицу выходить, конечно, не станешь.

Дорога до Серёгиного дома занимала десять минут. Всё это время я перебирал в голове разные фразы, соображал: начать ли мне уверенно и жёстко, или наоборот с дружеской теплотой и мягкостью заочного победителя. Ничто не казалось мне естественным и разумным. Я не заметил, как уже поднимался по подъездной лестнице. А что говорить так и не придумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.